

**Научные модели и поэтические метафоры: сопоставление стратегий
концептуализации (на примере русского имажинизма)**

Научный руководитель – Вархотов Тарас Александрович

Волошин Михаил Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии и методологии науки, Москва, Россия

E-mail: allrour95@rambler.ru

В философии науки с середины XX века разрабатывается вопрос о природе научных моделей, их соотношении с уровнями научного знания и значении практик моделирования. Эти представления традиционно классифицируются по трем группам: синтаксический подход (модель как интерпретация формализованной теории), семантический подход (теория как иерархия моделей в теоретико-множественной перспективе), прагматический подход (модель как автономная форма знания и моделирование как практика, связанная с целями и ценностями субъекта). [11]

Попытки определить место моделирования в научной практике обычно реализуются в виде указания на функции, которые выполняют модель; философы науки часто дают упорядоченные списки и классификации этих функций [6, 7, 9, 10] с разной степенью детализации. Такая стратегия концептуализации, в каком бы из трех упомянутых подходов она ни использовалась, сама по себе носит прагматический оттенок и потому тяготеет к последнему подходу: тезис о наличии функций у моделей интерпретируется в смысле «модели нужны для решения определенных задач, стоящих перед субъектами знания», и тогда модели определяются через прагматику их использования [9].

При этом существует устойчивая традиция характеризовать научные модели (по крайней мере, некоторые) как метафоры, выполняющие функцию представления непредставимого иным образом научного объекта и обеспечивающие выполнимость коммуникативного акта [8]. На этой основе можно проводить сопоставление между деятельностью ученого и поэта [2, 3]: и в том, и в другом случае модель/метафора порождает новый объект, связывающий воедино ранее разорванные фрагменты знания/мироощущения; при этом новый объект должен быть считываем и понятен другому ученому/читателю.

Возникает предположение, что концептуализация роли и функций моделей в науке должна обнаруживать параллели с концептуализацией роли и функций метафор в поэтических произведениях.

Русская поэзия начала XX века дает богатый материал для такого сопоставления в силу традиции создания «манифестов» поэтических течений. Литературные манифесты, являясь актом самоидентификации группы поэтов, в то же время являются попытками теоретизации по поводу природы поэтического. Некоторые из них специально акцентировали внимание на роли метафор - в качестве «символов» (символизм), «образов» (имажинизм), а иногда прямо - «моделей» (футуризм ЛЕФа) [5].

Метафору-образ в качестве ядра поэтической практики приняли имажинисты: «Образ, и только образ. Образ - ступнями от аналогий, параллелизмов - сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения - вот орудие производства мастера искусства. . . Образ - это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия». [1]

Отстаивание автономии образа, как и в случае автономии моделей в прагматическом подходе [9] связывалось имажинистами с практикой конструирования, часто произвольного и комбинаторного: «Соединение отдельных образов в стихотворение есть механическая

работа, а не органическая... Стихотворение не организм, а толпа образов; из него без ущерба может быть вынут один образ или вставлено еще десять...» [4]

Имажинисты противопоставляли свое трактование образа футуристам и символистам: «для символиста образ (или символ) – способ мышления; для футуриста – средство усилить зрительность впечатления. Для имажиниста – самоцель» [4]. Первую позицию можно сравнить с зависимостью моделирования от теоретизации, в связи с которой возникает проблема множественности интерпретаций; вторая ставит моделирование в зависимость от эмпирического уровня, делая модель лишь вспомогательным инструментом [10]. При этом имажинисты настаивают, что решают познавательную задачу: «Поэзия есть выявление абсолюта не декоративным, а познавательным методом» [4], «единственным законом искусства... является выявление жизни через образ и ритмику образов» [1].

Наконец, имажинисты специально подчеркивают возникновение в искусстве новых типов объектов, которые делают «видимым» ранее «невидимое», и притом – общепонятным способом: «только тогда, когда поэт изобретет какое-либо явление мира, это явление начинает существовать... Мы были убеждены, что лошадь четырехнога, но стоило кубистам изобразить шестиногую лошадь, и каждому не слепому стало ясно, что по Тверской бегают именно шестиногие лошади» [4]. Однако в символистах имажинистов отталкивала неточность, нестрогость поэзии; футуристы же излишне произвольно обращались с материалом, считая себя вправе, например, создавать новые слова или даже новый язык (Хлебников, Крученых). Утрачивалась познавательность поэтического творчества, оборачиваясь «преобразовательностью»: «надо жизнь сначала переделать» (Маяковский).

Привязанность футуристов к бытовому материальному уровню отрывала их от «сущности» познаваемого, тогда как имажинисты были нацелены на образ как таковой, без непосредственной связи с действительностью, и «сущность» обнаруживалась именно в нем [5]. Аналогичным образом Картрайт говорит о двух смыслах «реалистичности» моделей: содержательная интерпретация теории (не всегда приближенная к материальности) и точное отображение опыта (не всегда выявляющее смысл происходящих процессов) [7].

Таким образом, мы видим структурное подобие стратегий концептуализации научного моделирования в философии науки, с одной стороны, и образности в теоретизации поэзии имажинистов – с другой. Теоретические работы символистов и особенно футуристов также обнаруживают подобные аналогии. Вопрос о том, указывают ли эти аналогии на более фундаментальное родство рефлексивной деятельности по поводу науки и поэзии, заслуживает дальнейшего исследования.

Источники и литература

- 1) Есенин С. и др. Декларация имажинистов // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров [Переиздание 1924-го года]. М.: «Аграф», 2001. – С. 212-217
- 2) Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 203-217.
- 3) Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 93-112.
- 4) Шершеневич В. $2 \times 2 = 5$ // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров [Переиздание 1924-го года]. М.: «Аграф», 2001. – С. 225-245
- 5) Юрганов А.Л. Имажинизм и ЛЕФ: жизненный мир советской литературы в конфликтном противостоянии // Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 102–137.

- 6) Apostel L. Towards the formal study of models in the non-formal sciences // Synthese. – Vol. 12, 2009. – pp.125-161
- 7) Cartwright N. How the laws of physics lie. – Oxford, NY: Oxford University Press, 1983.
- 8) Hesse M. Models and analogies in science. – University of Notre Dame Press, 1970.
- 9) Morrison M., Morgan M. Models as mediating instruments // Models as mediators: perspectives on natural and social science. Eds. Morrison M., Morgan M. – NY: Cambridge University Press, 1999. – pp. 10-37
- 10) Nagel E. The structure of science: Problems in the logic of scientific explanation. – Harcourt, Brace & World, 1961.
- 11) Winther, R. "The Structure of Scientific Theories", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/structure-scientific-theories>.